

Рабочий Месса

ОРГАН ТОТЕМСКОГО РАЙКОМА ВКП(б), РИК и Горсовета

№ 47 (816)

22 мая 1937 года

Год изд. 8-й

Районная конференция Союза воинствующих безбожников

созывается 25 мая с.г., в 6 час. вечера, в помещении Пионерского клуба.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Отчет о работе райсовета СВБ и очередные задачи антирелигиозной работы в районе.
 2. Выборы: райсовета СВБ, ревизионной комиссии и делегатов на областную конференцию.
- Ячейки СВБ посылают на районную конференцию по 1 делегату от каждой 10 членов СВБ.

Районный совет СВБ.

И. СТАЛИН

Лондонский Съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

(Записки делегата)

Настоящая статья товарища СТАЛИНА, написанная вскоре после V съезда, впервые была напечатана в 1907 г. в первых двух номерах большевистской газеты „Бакинский Пролетарий“ (№ 1 от 20 июня и № 2 от 10 июля) за подписью: „Коба Иванович“. Статья была снабжена пометкой: „Продолжение следует“. Однако по „независимым“ от автора причинам (усилившаяся ко второй половине 1907 г. слежка шпиков, затем — арест и ссылка) статья так и не была закончена. РЕДАКЦИЯ.

Лондонский съезд окончился. Вопреки ожиданиям либеральных писак, равных там Вергежских и Кусковых, съезд дал нам не раскол, а дальнейшее сплочение партии, дальнейшее объединение передовых рабочих всей России в одну неравную партию. Это был настоящий всероссийский объединительный съезд: ибо на нем впервые были представлены на съезде широко и полно наши польские, бундовские и латышские товарищи, на нем впервые они приняли активное участие в работах партийного съезда и, стало быть, впервые связали наиболее непосредственно судьбу своих организаций с судьбой всей партии. В этом смысле Лондонский съезд значительно подвинул вперед дело сплочения и укрепления Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Таков первый и важный результат Лондонского съезда. Но этим еще не исчерпывается значение Лондонского съезда. Дело в том, что, вопреки желанию тех же либеральных писак, съезд окончился победой „большевизма“, победой революционной социал-демократии над оппортунистическим крылом нашей партии, над „меньшевизмом“. Всем известны, конечно, наши разногласия по вопросу о роли различных классов и партий в нашей революции и о нашем к ним отношении. Известно также и то, что официальный центр партии, меньшевистский по своему составу, в целом ряде выступлений становился в противоречие с партией в целом.

Вспомните хотя бы историю с лозунгом Центрального Комитета об ответственном кадетском министерстве, отвергнутым партией во время первой Думы; историю с лозунгом того же ЦК о „возобновлении сессии Думы“ после разгона первой Думы, тоже отвергнутым партией; историю с известным призывом ЦК к всеобщей забастовке по поводу разгона первой Думы, тоже отвергнутым партией... Необходимо было положить конец этому ненормальному положению. А для этого в свою очередь необходимо было подвести итог фактическим победам партии над оппортунистическим ЦК, победой, наполняющей историю внутреннего развития нашей партии за весь истекший год. И вот, Лондонский съезд подвел итог всем этим победам революционной социал-демократии, и закрепив за ней победу, он принял тактику этой социал-демократии.

Стало быть, отныне партия

будет проводить строго классовую политику социалистического пролетариата. Красное знамя пролетариата не будет больше склоняться перед красными либерализма. Не идущие пролетариату интеллигентские шатания получили смертельный удар.

Таков второй, не менее важный результат Лондонского

съезда нашей партии.

Фактическое объединение передовых рабочих всей России в единую всероссийскую партию под знаменем революционной социал-демократии — таков смысл Лондонского съезда, таков его общий характер. Перейдем теперь к более подробной характеристике съезда.

I. Состав съезда

Всего на съезде присутствовало около 330 делегатов. Из них 302 были с правом решающего голоса — представители более чем 150000 членов партии, остальные — советские делегаты. По фракциям распределялись приблизительно следующим образом: (только решающие) 92 большевика, 85 меньшевиков, 54 бундовца, 45 поляков и 26 латышей.

С точки зрения общественного положения членов съезда (рабочие и нерабочие) съезд представлял следующую картину: рабочих физического труда было всего 116; конторщиков и приказчиков — 24, остальные — нерабочие. Причем рабочие физического труда по фракциям распределялись следующим образом: в большевистской фракции — 38 (36 проц.); в меньшевистской — 30 (31 проц.); у поляков — 27 (61 проц.); у латышей — 12 (40 проц.); у бундовцев — 9 (15 проц.). А профессиональные революционеры распределялись по фракциям следующим образом: в большевистской фракции — 18 (17 проц.); в меньшевистской — 22 (22 проц.); у поляков — 5 (11 проц.); у латышей — 2 (6 проц.); у бундовцев — 9 (15 проц.).

Мы все были „изумлены“ этой статистикой. Как? Меньшевики так много кричали об интеллигентском составе нашей партии, они день и ночь ругали большевиков интеллигентами, они грозили прогнать всех интеллигентов из партии, они все время третировали профессиональных революционеров — и вдруг у них во фракции оказались гораздо меньше рабочих, чем у „интеллигентов“ — большевиков! У них оказались гораздо больше профессиональных революционеров, чем у большевиков! Но мы объясняли меньшевистские крики тем,

что „у кого что болит, тот о том и кричит“...

Еще более интересны цифры о составе съезда с точки зрения „территориального распределения“ делегатов. Выяснилось, что большие группы меньшевистских делегатов посылаются главным образом крестьянскими и ремесленными районами: Гурья (9 делег.), Тифлис (10 делег.), Малороссийская крестьянская организация „Спидка“ (кажется, 12 делег.), Бунд (громадное большинство — меньшевистское) и, как исключение, — Донецкий бассейн (7 чел.). Между тем как большие группы большевистских делегатов посылаются исключительно крупно-промышленными районами: Петербург (12 делег.), Москва (13 или 14 делег.), Урал (21 делег.), Иваново-Вознесенск (11 делег.), Польша (45 делег.).

Очевидно, тактика большевиков является тактикой крупно-промышленных пролетариев, тактикой тех районов, где классовая борьба особенно резка. Большевики — это тактика на стоящих пролетариев.

С другой стороны, не менее очевидно и то, что тактика меньшевиков является по преимуществу тактикой ремесленных рабочих и крестьянских полу-пролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия не совсем ясны и классовая борьба замаскирована. Меньшевизм — это тактика полубуржуазных элементов пролетариата.

Так говорят цифры.

И это не трудно понять: нельзя серьезно говорить среди лодзинских, московских или иваново-вознесенских рабочих о блоках с той самой либеральной буржуазией, члены которой ведут с ними ожесточен-

ную борьбу, то и дело „наказывая“ их частичными расчистками и массовыми локаутами — там меньшевик не найдет себе симпатий, там нужен большевик, тактика непримиримой пролетарской классовой борьбы. И наоборот, крайне трудно привить идею классовой борьбы гурьским крестьянам или каким-нибудь шловским ремесленникам, не чувствующим острых систематических ударов классовой борьбы и потому охотно идущим на всякие соглашения против „общего врага“ — там пока не нужен большевик, там нужен меньшевик, ибо там все проникнуто атмосферой соглашений и компромиссов.

Не менее интересен состав съезда с точки зрения национальностей. Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины и т. д. По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно-русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром.

А такой состав фракций не трудно объяснить: очагами большевизма являются главным образом крупно-промышленные районы, районы чисто-русские, за исключением Польши, тогда как меньшевистские районы, районы мелкого производства, являются в то же время районами евреев, грузин и т. д.

II. Порядок дня. Отчет ЦК. Отчет думской фракции

С точки зрения политических течений на съезде, работы съезда можно было бы разделить на 2 части.

Первая часть: прения по вопросам формальным, вроде порядка дня съезда, отчетов ЦК и отчета Думской фракции, вопросам, имеющим главный политический смысл, но связанным или связываемым с „честью“ той или другой фрак-

ции, с мыслью о том, „как бы не обидеть“ ту или другую фракцию, „как бы не вызвать раскол“, — и потому называемым вопросами формальными. Эта часть съезда прошла наиболее бурно и потрошила наибольшее количество времени. А произошло это потому, что соображения принципа отодвигались назад соображения „честь“ той или другой фрак-

ции, с мыслью о том, „как бы не обидеть“ ту или другую фракцию, „как бы не вызвать раскол“, — и потому называемым вопросами формальными. Эта часть съезда прошла наиболее бурно и потрошила наибольшее количество времени. А произошло это потому, что соображения принципа отодвигались назад соображения „честь“ той или другой фрак-

ции, с мыслью о том, „как бы не обидеть“ ту или другую фракцию, „как бы не вызвать раскол“, — и потому называемым вопросами формальными. Эта часть съезда прошла наиболее бурно и потрошила наибольшее количество времени. А произошло это потому, что соображения принципа отодвигались назад соображения „честь“ той или другой фрак-

ции, с мыслью о том, „как бы не обидеть“ ту или другую фракцию, „как бы не вызвать раскол“, — и потому называемым вопросами формальными. Эта часть съезда прошла наиболее бурно и потрошила наибольшее количество времени. А произошло это потому, что соображения принципа отодвигались назад соображения „честь“ той или другой фрак-

Лондонский Съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

Продолжение, перенос с 1-й стр.

ниями «морали» («как бы не обидеть»), стало быть, строго определенные группировки не создавались, нельзя было сразу догадаться «чья возьмет», и фракции, в надежде увлечь за собой «нейтрально-корректных» предавались бешеной борьбе за преобладание.

Вторая часть: прения по вопросам принципиальным вроде вопроса о непролетарских партиях, рабочем съезде и т. д. Тут уже отсутствовали соображения «морали», группировки происходили определенные, по строго определенным принципиальным течениям, соотношения сил между фракциями выяснялось сразу, и потому эта часть съезда была наиболее спокойной и плодотворной, — явное доказательство в пользу того, что принципиальность в прениях — наилучшая гарантия плодотворности и спокойствия работ съезда.

Перейдем к краткой характеристике первой части работ съезда.

После речи тов. Плеханова, открывшего съезд и отметившего в своей речи необходимость соглашений «от случая к случаю» с «прогрессивными элементами» буржуазного общества, съезд выбрал президиум из пяти (по одному из фракций), выбрал мандатную комиссию и перешел к выработке порядка дня. Характерно, что меньшевики на этом съезде точно также, как и на прошлогоднем, объединительным, самым ярым образом выступили против предложения большевиков — внести в порядок дня вопросы об оценке момента и о классовых задачах пролетариата в нашей революции. Идет ли революция на подъем или она идет на убыль, и сообразно с этим — надо ли ее «ликвидировать» или довести до конца, каковы классовые задачи пролетариата в нашей революции, проводящие резкую грань между ним и остальными классами русского общества, — вот каких вопросов боялись тов. меньшевики. От них они бегут, как тень от солнца, они не хотят вывести на свет корни наших разногласий. Почему? Потому, что в самой фракции меньшевиков существуют глубокие разногласия по этим вопросам; потому, что меньшевизм не есть цельное течение, меньшевизм — это сброд течений, незаметных во время фракционной борьбы с большевизмом, но сразу же прорывающихся при принципиальной постановке вопросов момента и нашей тактики. Большевики знают это и в интересах большей принципиальности прений, настаивали на внесении в порядок дня вышеупомянутых вопросов. Большевики, видя, что принципиальность убивает их, начали упорствовать, дали понять «корректным товарищам», что они «обидятся», — и съезд не внес в порядок дня вопрос о моменте и т. п. В конце концов приняли следующий порядок дня: отчет ЦК, отчет

Думской фракции, об отношении к непролетарским партиям, о Думе, о рабочем съезде, о профессиональных союзах, о партизанских выступлениях, кризисы, декауты и безработица, Штутгартский международный конгресс, организационные вопросы.

По вопросу об отчете ЦК главными докладчиками выступили тов. Мартов (от меньшевиков) и тов. Рядовой (от большевиков). Доклад Мартова был собственно не доклад с серьезным освещением явлений, а задумчивый рассказ о том, как невинный ЦК принялся было руководить партией и затем Думской фракцией, и как «ужасные» большевики мешали ему действовать, приставая своей принципиальностью. Не принявшие потом партийный лозунг ЦК об ответственном кадетском министерстве, о «возобновлении сессии Думы» и т. д. и т. п. Мартов оправдывал тем, что момент был неопределенный и во время затишья нельзя было выдвигать другие лозунги. Неудачный призыв ЦК к всеобщей забастовке, а потом к частичным выступлениям непосредственно после разгрома первой Думы Мартов оправдывал той же неопределенностью положения и невозможностью точно определить настроение масс. Очень мало говорил о роли ЦК в расколе Петербургской организации. Зато слишком много говорил о конференции военных и боевых организаций, устроенной по инициативе известной группы большевиков и внесшей, по мнению Мартова, дезорганизацию и анархию в партийные организации. В конце доклада Мартов призывал съезд принять во внимание трудные условия работы по руководству партией, в виду особенной сложности запутанности момента, и не быть строгим по отношению к ЦК. Очевидно сам Мартов признавал за ЦК серьезные грехи.

Доклад тов. Рядового был совершенно другого характера. По его мнению, ЦК партии обязан: 1) защищать и проводить программу партии, 2) осуществлять тактические директивы, данные ему съездом партии, 3) охранять целостность партии, 4) объединять положительную работу партии. Между тем ЦК не исполнил ни одной из этих обязанностей. Вместо того, чтобы защищать и проводить программу партии, ЦК по поводу известного аграрного обращения первой Думы предлагал Думской фракции социал-демократов, в интересах единства оппозиции, в интересах привлечения кадетов, не вносить в думское обращение известного пункта нашей аграрной программы о конфискации всей (помещичьей) земли, а ограничиться простым заявлением об отчуждении земли без оговорок: с выкупом или без выкупа.

Подумайте только: ЦК партии предлагал выкинуть важнейший пункт программы партии о конфискации земли. ЦК нарушал программу партии! ЦК, как нарушитель программы, — можете ли себе пред-

ставить этот неслыханный позор?

Далее. Вместо того, чтобы проводить в жизнь хотя бы директивы объединительного съезда; вместо того, чтобы систематически углублять борьбу партии внутри Думы в целях внесения большей сознательности в борьбу классов вне Думы; вместо того, чтобы осуществлять строго классовую независимую политику пролетариата, — ЦК выдвинул лозунги об ответственном кадетском министерстве, о «возобновлении сессии Думы», «за Думу против камарильи» и т. д. и т. д., лозунги, ступеньки в борьбе партии в Думе, смазывающие классовые противоречия вне Думы, стирающие всякую грань между боевой политической пролетариата и соглашательской политикой либеральной буржуазии, приспособляющие первую ко второй. И когда один из членов Центрального Органа, стало быть и Центрального Комитета, тов. Плеханов, пошел еще дальше по пути соглашения с кадетами и предложил партии войти в блок с либеральной буржуазией, отбросив лозунг Учредительного собрания и выставив приемлемый для либеральной буржуазии лозунг «полновластной Думы», — ЦК не только не протестовал против позорящей партии выходки тов. Плеханова, но даже соглашался с ней, не осмелившись, впрочем, официально высказать свое согласие. Вот как нарушал ЦК партийные элементарные требования независимой классовой политики пролетариата и постановлений объединительного съезда!

ЦК, затемняющий классовое самосознание пролетариата; ЦК, подчиняющий политику пролетариата политике либеральной буржуазии; ЦК, склоняющий знамя пролетариата перед шарлатанами кадетского либерализма — вот до чего довели нас оппортунисты меньшевизма!

Мы уже не говорим о том, как ЦК не только не охранял единство и дисциплину партии, а систематически нарушал их, взяв на себя инициативу раскола в Петербургской организации.

Не хотим распространяться также о том, что ЦК не объединял работу партии — это ясно само собой.

Чем все это объясняется, все эти ошибки ЦК? Конечно, не «ужасными» лицами, заседавшими в ЦК, а тем, что меньшевизм, наполнивший тогда ЦК, не способен руководить партией, он окончательно обанкротился, как политическое течение. С этой точки зрения вся история ЦК является историей провала меньшевизма. И когда нас упрекают тов. меньшевики, говоря, что мы «мешали» ЦК, мы «приставали» к нему и т. д. и т. д., мы не можем не ответить этим морализирующим товарищам: да, товарищи, мы «мешали» ЦК нарушать нашу программу, мы «мешали» ему приспособлять тактику пролетариата ко вкусам либеральной буржуазии и будем мешать впредь, ибо в этом наша священная обязанность...

Так приблизительно говорил товарищ Рядовой.

Из прений выяснилось, что большая часть товарищей, даже некоторые бундовцы, поддерживают точку зрения тов. Рядового. И если все-таки не прошла резолюция большевиков, отмечавшая ошибки ЦК, то потому, что сильно действовали на товарищей соображения: «как бы не вызвать раскол». Не прошла, конечно, и меньшевистская резолюция о доверии ЦК. Прешел пресловутый переход к очередным делам без оценки деятельности ЦК.

Прения по вопросу об отчете Думской фракции представляли в общем повторение прений по предыдущему вопросу. Оно и понятно: Думская фракция действовала под прямым руководством ЦК и, естественно, критика или защита ЦК являлась в то же время критикой или защитой Думской фракции.

Интересно было замечание второго докладчика, тов. Алексинского (первым докладчиком был тов. Церетели), о том, что лозунг Думской фракции в большинстве своем меньшевистской, об единстве оппозиции в Думе, о нераскалывании оппозиции и необходимости идти вместе с кадетами — этот меньшевистский лозунг, по выражению тов. Алексинского, потерпел в Думе полный крах: ибо по самым важным вопросам вроде вопросов о бюджете, армии и т. д. кадеты шли вместе со Столыпиным, и со-

циал-демократам — меньшевикам приходилось бороться рука об руку с депутатами от крестьян против правительства и кадетов. Большевикам приходилось на деле констатировать крах своей позиции и проводить в Думе лозунг большевиков о необходимости вести за собой депутатов от крестьян в борьбе против правых и кадетов.

Не менее интересно замечание польских товарищей о недопустимости со стороны Думской фракции идти на общие собрания с народовцами, этими черносотенцами. Польши, не раз организовавшими и продолжающими организовывать теперь резню социалистов Польши. На это два лидера казавшихся меньшевиков один за другим ответили, что для Думской фракции важно не то, что делают партии у себя дома, — а то, как они ведут себя в Думе, а народовцы ведут себя в Думе более или менее либерально. Выходило, что партии надо характеризовать не по тому, что они делают вне Думы, а потому, что они говорят в Думе. Дальше этого оппортунизму некуда идти...

Большинство ораторов соглашались с точкой зрения тов. Алексинского, но резолюция все-таки не было принято никакой и по этому вопросу, опять по тем же соображениям: «не обидеть». Отложив вопрос о резолюции, съезд прямо перешел к следующему вопросу.

III. О непролетарских партиях

От вопросов формальных мы переходим к вопросам принципиальным, к вопросам наших разногласий.

Вопросы наших тактических разногласий — это вопросы о вероятных судьбах нашей революции и о роли различных классов и партий русского общества в этой революции. Что наша революция буржуазная, что она должна окончиться разгромом крепостных, а не капиталистических порядков, что она может увенчаться лишь демократической республикой, — в этом, как кажется, все согласны в нашей партии. Далее, что наша революция в общем и целом идет к подъему, а не к убыли, и что нашей задачей является не «ликвидация» революции, а доведение ее до конца, — в этом тоже, по крайней мере формально, все согласны, ибо меньшевики, как фракция, нигде еще не заявляли о противном. Но каким образом довести до конца нашу революцию? Какова роль пролетариата, крестьянства, либеральной буржуазии в этой революции? При каком сочетании борющихся сил можно было бы довести до конца текущую революцию? С кем идти, кого бить, и т. д. и т. д.

Вот где начинаются у нас разногласия.

Мнение меньшевиков. Так как наша революция буржуазная, то единственно буржуазия и может быть вождем революции. Буржуазия была вождем великой революции во Франции, она была вождем революции других государств Европы — она же должна быть

вождем и нашей русской революции. Пролетариат — главный борец революции, но он должен идти за буржуазией и толкать ее вперед. Крестьянство тоже революционная сила, но у него слишком много реакционного, и потому пролетариату с ним гораздо реже придется выступать совместно, чем с либерально-демократической буржуазией. Буржуазия является более надежным союзником пролетариата, чем крестьянство. Вокруг либерально-демократической буржуазии, как вокруг вождя, должны сплачиваться все борющиеся силы. Поэтому наше отношение к буржуазным партиям должно определяться не революционным положением: вместе с крестьянством против правительства и либеральной буржуазии во главе с пролетариатом, — а оппортунистическим положением: вместе со всей оппозицией против правительства во главе с либеральной буржуазией. Отсюда тактика соглашений с либералами.

Таково мнение меньшевиков.

Мнение большевиков. Наша революция в самом деле буржуазная, но это еще не значит, что вождь ее является наша либеральная буржуазия. В 18-м столетии французская буржуазия была вождем французской революции, но почему? Потому, что французский пролетариат был слаб, он не выступал самостоятельно, он не выставлял своих классовых требований, у него не было

Продолжение на 3-й стр.

Лондонский Съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

Продолжение,

перенос со 2-й стр.

ни классового сознания, ни организации, он шел тогда в хвосте у буржуазии, и буржуазия пользовалась им, как оружием для своих буржуазных целей. Как видите, буржуазия не нуждалась тогда в союзнике в лице царской власти против пролетариата—пролетариат сам был ее союзником-слугой—и потому она могла быть тогда революционной, идти даже во главе революции. Совершенно другое замечается у нас, в России. Русский пролетариат далеко нельзя назвать слабым: он уже несколько лет выступает вполне самостоятельно, выставляя свои классовые требования; он достаточно вооружен классовым самосознанием, чтобы понимать свои интересы; он сплочен в свою партию; у него сильнейшая в России партия со своей программой и тактическими организационными принципами; во главе с этой партией он уже одержал ряд блестящих побед над буржуазией... Может ли пролетариат довольствоваться ролью хвоста либеральной буржуазии, ролью жалкого ^{зависимого} хвоста в руках этой буржуазии? Может ли, должен ли он идти за этой буржуазией, сделав ее своим вождем? Может ли он не быть вождем революции? А посмотрите, что происходит в лагере нашей либеральной буржуазии: наша буржуазия, запуганная революционностью пролетариата, все то, чтобы идти во главе революции, бросается в объятия контр-революции, вступает с ней в союз против пролетариата. А ее партия, партия кадетов, открыто, пред лицом всего мира, вступает в соглашение со Столыпиным, голосует за бюджет и армию в пользу царизма против народной революции. Не ясно ли, что русская либеральная буржуазия представляет из себя силу антиреволюционную, с которой надо вести самую беспощадную войну? И не прав ли был тов. Каутский, говоря, что там, где пролетариат выступает самостоятельно, буржуазия перестает быть революционной?..

Итак: русская либеральная буржуазия антиреволюционна; она не может быть ни двигателем, ни, тем более, вождем революции, она является заклятым врагом революции, и с ней надо вести упорную борьбу.

Единственным вождем нашей революции, заинтересованным и могущим повести за собой революционные силы России на штурм царского самодержавия,—является пролетариат. Только пролетариат сплотит вокруг себя революционные элементы страны, только он доведет до конца нашу революцию. Задачей социал-демократии является—сделать все возможное для подготовки пролетариата к роли вождя революции.

В этом гвоздь большевистской точки зрения.

На вопрос: кто же может явиться надежным союзником пролетариата в деле доведе-

ния до конца нашей революции—большевики отвечают: единственным сколько-нибудь надежным и сильным союзником пролетариата является революционное крестьянство. Не изменническая либеральная буржуазия, а революционное крестьянство будет биться вместе с пролетариатом против всех устоев крепостных порядков.

Сообразно с этим наше отношение к буржуазным партиям должно определяться положением: вместе с революционным крестьянством против царизма и либеральной буржуазии во главе с пролетариатом. Отсюда—необходимость борьбы с гегемонией (предводительство) кадетской буржуазии и, стало быть, недопустимость соглашений с кадетами.

Таково мнение большевиков.

В рамках этих двух позиций вращались речи докладчиков, Ленина и Мартынова, и всех остальных ораторов.

Тов. Мартынов окончательно „углубил“ точку зрения меньшевиков, категорически отрицая допустимость гегемонии пролетариата и также категорически защищая идею блока с кадетами.

Остальные ораторы, их громадное большинство, высказывались в духе большевистской позиции.

Особенно интересны речи тов. Розы Люксембург, передавшей съезду привет от имени германских социал-демократов и развившей взгляд наших германских товарищей на наши разногласия. (Мы тут связываем обе речи Р. Л. произнесенные в разное время.) Вполне соглашаясь с большевиками по вопросам: о роли пролетариата, как вождя революции, о роли либеральной буржуазии, как антиреволюционной силы и т. д. и т. д.—Р. Люксембург критиковала лидеров меньшевизма, Плеханова и Аксельрода, называя их оппортунистами и сравнивая их позицию с позицией жоресистов во Франции. Я знаю, говорила Люксембург, что и у большевиков есть некоторые промахи, странности, издешья твердокаменность, но я их вполне понимаю и оправдываю: нельзя не быть твердокаменным при виде распылчатой, студенистой массы меньшевистского оппортунизма. Та же издешья твердокаменность замечалась у гедистов во Франции, лидер которых, тов. Гед объявлял в известной избирательной афише: «не смею ни одному буржуа голосовать за меня, ибо я буду отстаивать в парламенте только интересы пролетариата против всех буржуа». И несмотря на это, несмотря на эти резкости, мы, германские социал-демократы, всегда стояли на стороне гедистов, в их борьбе против изменников марксизма, против жоресистов. То же самое надо сказать на счет большевиков, которых мы, германские социал-демократы, будем поддерживать в их борьбе с оппортунистами меньшевиками.

Так приблизительно говорил тов. Р. Люксембург. Еще более интересно заявление до конца нашей революции—единственным сколько-нибудь надежным и сильным союзником пролетариата является революционное крестьянство. Не изменническая либеральная буржуазия, а революционное крестьянство будет биться вместе с пролетариатом против всех устоев крепостных порядков.

Таким образом, становилось ясным, что наиболее испытанная и наиболее революционная в Европе Германская Социал-демократия открыто и ясно поддерживает большевиков, как настоящих марксистов, в их борьбе против изменников марксизма, против меньшевиков.

Любопытны также некоторые места в речи тов. Тышко, представителя польской делегации в президиуме. Обе фракции уверяют нас, говорил тов. Тышко, что они твердо стоят на точке зрения марксизма. И не всякому легко понять: кто же, наконец, стоит на этой точке зрения, большевики или меньшевики... Это мы стоим на точке зрения, марксизма—прерывают „слева“ несколько меньшевиков. «Нет, товарищи»,—ответил им Тышко,—мы не стоим, а лежим на ней: ибо вся ваша беспомощность в деле руководства классовой борьбой пролетариата, тот факт, что вы умеете заучивать великие слова великого Маркса, но не умеете их применять,—все это говорит о том, что вы не стоите, а лежите на точке зрения марксизма».

Это было художественно метко.

В самом деле, возьмите хоть следующий факт. Большевики часто говорят, что задачей социал-демократии всегда и везде является превращение пролетариата в самостоятельную политическую силу. Верно ли это? Безусловно верно! Это — великие слова Маркса, которые всегда должны помнить всякий марксист. Но как их применяют тов. меньшевики? Содействуют ли они фактически выделению пролетариата из массы окружающих его буржуазных элементов в самостоятельный независимый класс? Оплачивают ли они революционные элементы вокруг пролетариата и готовят ли они пролетариат к роли вождя революции? Факты показывают, что ничего подобного меньшевики не делают. Наоборот: меньшевики советуют пролетариату почаще устраивать соглашения с либеральной буржуазией,—я, тем самым, содействуют не выделению пролетариата в самостоятельный класс, а смешению его с буржуазией; меньшевики советуют пролетариату отказать от роли вождя революции, уступить эту роль буржуазии, идти за буржуазией,—я, тем самым, содействуют не превращению пролетариата в самостоятельную политическую силу,—а превращению его в хвостик буржуазии... То есть, меньшевики делают как раз обратное тому, что они должны были бы делать,

исходя из правильного марксистского положения.

Да, прав был т. Тышко, когда сказал, что меньшевики не стоят, а лежат на точке зрения марксизма...

По окончании прений были предложены два проекта резолюции: меньшевистский и большевистский. Из них громадным большинством голосов был принят за основу проект большевиков. Далее пошли поправки к проекту. Было внесено около 80 поправок. Вносились они главным образом к двум пунктам проекта: к пункту о пролетариате, как вождя революции, и к другому пункту—о кадетях, как антиреволюционной силе. Это была самая интересная часть прений, ибо тут особенно резко выяснились физиономии фракций. Первая важная поправка была внесена тов. Мартовым. Он требовал заменить слова: «пролетариат, как вождь революции» словами: «пролетариат, как авангард». Мотивировал он тем, что слово „авангард“ точнее выражает мысль. Ему возражал тов. Алексинский. Он говорил, что дело не в точности, а в двух противоположных точках зрения, сказывающихся в этом пункте: ибо „авангард“ и „вождь“ — два совершенно различных понятия. Быть авангардом (передовым отрядом)—это значит биться в передовых рядах, занимать наиболее обстреливаемые пункты, проливать кровь не в то же время, быть руководимым другими, в данном случае, буржуазными демократами: авангард никогда не руководит общей борьбой, но авангардом всегда руководят. Наоборот: быть вождем—это значит не только биться в передовых рядах, но и руководить общей борьбой, направлять ее к своей цели. Мы, большевики, не хотим, чтобы пролетариатом руководили буржуазные демократы,—мы хотим, чтобы пролетариат сам руководил

всей борьбой народа и направлял ее к демократической республике.

В результате поправка Мартова была провалена.

Все другие поправки такого же характера были также провалены.

Другая группа поправок направлена была против пункта о кадетях. Большевики предлагали признать, что кадеты еще не стали на путь контр-революции. Но съезд не принял этого предложения, и все поправки этого характера были отвергнуты. Далее предлагали меньшевики допустить в известных случаях хотя бы технические соглашения с кадетами. Съезд не принял и этого предложения, провалив соответствующие поправки.

Наконец проголосовали резолюцию в целом и оказалось, что 159 голосов—за большевистскую резолюцию, 104—против, а остальные воздержались.

Огромным большинством голосов съезд принял резолюцию большевиков.

Отныне точка зрения большевиков стала точкой зрения партии.

Кроме того, это голосование дало два важных результата:

Во-первых, оно положило конец формальному, искусственному делению съезда на 5 фракций (большевики, меньшевики, поляки, латыши, бундовцы) и открыло новое, принципиальное деление: на большевиков (включая сюда всех поляков и большинство латышей) и меньшевиков (включая почти всех бундовцев).

Во-вторых, голосование это дало наиболее точную статистику распределения рабочих делегатов по фракциям: выяснилось, что в большевистской фракции не 38, а 77 рабочих (38 плюс 27 поляков, плюс 12 латышей), а в меньшевистской фракции не 30 рабочих, а 39 (30 плюс 9 бундовцев). Большевистская фракция оказалась фракцией интеллигентской.

IV. О рабочем съезде

Прежде чем перейти к характеристике прений по вопросу о рабочем съезде, необходимо познакомиться с историей вопроса. (Это тем более необходимо, что тов. меньшевики, переселившись в редакции буржуазных газет, распространяют небезлические о прошлом и настоящем этого вопроса (см. статью о «Рабочем съезде» в «Товарище», принадлежащую перу видного меньшевика, и перепечатанную в «Бакинском Дне»). Дело в том, что вопрос этот является крайне запутанным и невнятным. В то время, как по другим пунктам наших разногласий в партии уже имеются два резко определенных течения: большевистское и меньшевистское,—по вопросу о рабочем съезде мы имеем не два, а целую кучу течений, крайне невнятных и противоречивых. Правда, большевики выступают сплоченно и определенно: они вообще против рабочего съезда. Зато среди меньшевиков—полнейший хаос и путаница: они разделились на множество групп, и каждая из них поет

по-своему, не слушая других. В то время, как петербургские меньшевики, во главе с Аксельродом, предлагают рабочий съезд для создания партии,—московские меньшевики, во главе с Эль, предлагают его не в интересах партии; а с целью создать беспартийный „общерусский рабочий союз“. Южные меньшевики идут еще дальше и во главе с Ларинным призывают созвать рабочий съезд в целях создания не партии и не «рабочего съезда»,—а более широкого «трудового союза», который мог бы охватить, кроме всех пролетарских элементов, и эсеровские, полубуржуазные, «трудовые» элементы. Я уж не говорю о других, менее влиятельных группах и лицах, вроде одесской и закаспийской групп и вроде юродливых «авторов» смешной брошюры—так называемых «Бродяги» и «Шуры».

Такова путаница, царящая в рядах меньшевиков.

Но как созвать рабочий съезд, как его организовать, Окончание на 4-й стр.

Лондонский Съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

Окончание,
перенос с 3-й стр.

к чему приурочить его созыв, кого пригласить на съезд, кому взять на себя инициативу созыва съезда?

По всем этим вопросам среди меньшевиков идет такая же путаница, как и по вопросу о цели съезда.

В то время, как одни из них предлагают связать выборы на рабочий съезд с выборами в Думу и, таким образом, «захватным путем» организовать рабочий съезд, другие предлагают полагаться на «попустительство» со стороны правительства, в крайнем случае испросить у него «разрешение», а третьи советуют отправить делегатов за границу, будь их хоть 3—4 тысячи, и там нелегально провести рабочий съезд.

В то время, как одни из меньшевиков предлагают дать представительство на съезд только оформленным рабочим организациям, другие советуют привлечь на съезд представителей всего вообще организованного и неорганизованного пролетариата, насчитывающего в своих рядах не менее 10 миллионов членов.

В то время, как одни из меньшевиков предлагают созвать рабочий съезд по инициативе с.д. партии с участием интеллигентов, другие советуют отбросить в сторону и партию и интеллигентов, и созвать съезд лишь по инициативе самих рабочих без всякого участия интеллигентов.

В то время, как одни из меньшевиков настаивают на немедленном созыве рабочего съезда, другие предлагают отложить его на неопределенное время, ограничиваясь пока агитацией за идею рабочего съезда.

Ну, а как быть с существующей Социал-демократической Рабочей Партией, вот уже несколько лет руководящей борьбой пролетариата; сплотившей в своих рядах 150 000 членов, имевшей уже 5 съездов и т. д. и т. п.? «Похоронить ее к черту», или как-нибудь иначе?

На это все меньшевики, от Аксельрода до Ларина, единогласно отвечают, что у нас нет пролетарской партии. «В том-то и дело, что у нас нет партии» — говорили нам на съезде меньшевики — «у нас есть только организация мелкобуржуазной интеллигенции», которую надо заменить партией при помощи рабочего съезда. Так заявил на партийном съезде докладчик от меньшевиков, тов. Аксельрод.

Но позвольте, как же так? Значит, все эти съезды нашей партии, от первого (1898 г.) до последнего (1907 г.), в организации которых тов. меньшевики принимали энергичнейшее участие; вся эта колоссальная трата пролетарских денег и сил, трата, необходимая для организации съездов, трата, в которой меньшевики так же повинны, как и боль-

шевики, — все это, значит, один только обман и фарисейство?!

Значит, все эти боевые призывы партии к пролетариату, призывы, подписанные и меньшевиками; все эти забастовки и восстания за 1905—6—7 гг., разыгравшиеся во главе с партией, часто по инициативе партии; все эти победы пролетариата во главе с нашей партией; все эти тысячные жертвы пролетариата; павшие на улицах Петербурга, Москвы и т. д., замурованные в тюрьмах, загубленные в тюрьмах во имя партии, под знаменем партии, — все это только комедия и обман?

И значит, у нас нет партии? У нас есть только «организация мелкобуржуазной интеллигенции»?

Это была, конечно, прямая неправда, возмутительная, наглая неправда.

Этим, должно быть, и объясняется то безграничное возмущение, которое вызвало вышеупомянутое заявление Аксельрода среди петербургских и московских делегатов рабочих. Вскочив со своих мест, они энергично отвечали докладчику Аксельроду: «это ты, сидящий за границей, — буржуй, а не мы; мы — рабочие, и у нас есть своя социал-демократическая партия, которую мы не позволим унижить»...

Но, положим, что рабочий съезд состоится, представим себе, что он уже состоялся. Существоющая с.д. партия, стало быть, едет в архив, созвали так или иначе рабочий съезд и хотим организовать на нем не то «рабочий», не то «трудовой» союз. Что же будет дальше? Какую программу примет этот съезд? Какова будет физиономия рабочего съезда?

Одни из меньшевиков отвечают, что рабочий съезд мог бы принять программу социал-демократии с некоторыми, конечно, урезками, но тут же они добавляют, что он мог бы и не принять программы социал-демократов, что, по их мнению, не представляет для пролетариата особой беды. Другие отвечают более решительно: так как наш пролетариат сильно проникнут мелкобуржуазными стремлениями, то, по всей вероятности, рабочий съезд примет не социал-демократическую, а мелкобуржуазную демократическую программу. На рабочем съезде пролетариат потеряет социал-демократическую программу, но за то он приобретет рабочую организацию, связывающую всех рабочих в один союз. Так говорят, например, глава московских меньшевиков Г. Череванин (см. «Проблемы тактики»).

Итак: «союз рабочих без социал-демократической программы» — таков вероятный результат рабочего съезда.

Так, по крайней мере, думают сами меньшевики.

Очевидно, несогласные друг с другом меньшевики в некоторых вопросах о целях и способах созыва рабочего съезда, они согласны в том, что

у нас нет партии, а есть только организация мелкобуржуазной интеллигенции, которую надо сдать в архив»...

В этих именно рамках и вращался доклад Аксельрода.

Из доклада Аксельрода выяснилось, что агитация за рабочий съезд практически неизбежно сведется к агитации против партии, к войне с ней.

А практическая работа по созыву рабочего съезда также неизбежно сведется к практической работе по дезорганизации и разложению нашей нынешней партии.

Между тем, меньшевики — устами своего докладчика, а также в своем проекте резолюции — просили съезд запретить агитацию против попыток, направленных к организации рабочего съезда, т. е. попыток, ведущих к дезорганизации партии.

И интересно: в речах меньшевистских ораторов (за исключением Плеханова, который собственно о рабочем съезде ничего не сказал) красной нитью проходили ловушки: долой партию, долой социал-демократию — да здравствует беспартийность, да здравствует несоциал-демократический «рабочий союз». Эти ловушки открыто не выставлялись ораторами, но они сквозили в их речах.

Не даром все буржуазные писатели, от синдикалистов и эсеров до кадетов и октябристов, — не даром все они так горячо высказываются за рабочий съезд: ведь все они враги нашей партии, а практическая работа по созыву рабочего съезда могла бы значительно ослабить и дезорганизовать партию. Как же им не приветствовать идею рабочего съезда?

Совершенно другое говорили ораторы большевики.

Докладчик от большевиков, тов. Лядов, охарактеризовав кратко главнейшие течения среди самих меньшевиков, перешел к выяснению условий, породивших идею рабочего съезда. Агитация за рабочий съезд началась в 1905 году, до октябрьских дней, в момент репрессий. В октябрьско-ноябрьские дни она прекратилась. В следующие месяцы новых репрессий рабоче-с-д-овская агитация опять оживилась. Во время первой Думы, в дни относительной свободы, агитация притихла. Потом, после разгона Думы, опять усилилась и т. д. Вывод ясен: в дни относительной свободы, когда партия имеет возможность свободно расширяться, агитация за рабочий съезд в целях создания «широкой беспартийной партии» естественно теряет почву; и наоборот, в дни репрессий, когда прилив новых членов в партию сменяется отливом, агитация за рабочий съезд, как за искусственную меру для расширения или для замены узкой партии «широкой беспартийной», находит себе известную почву. Но само собой понятно, что никакие искусственные меры не помогут делу: ибо для действительного расширения партии нужна поли-

тическая свобода, а не рабочий съезд, который сам нуждается в такой свободе.

Далее. Идея рабочего съезда, взятая в ее конкретном виде, фальшива в корне: ибо она опирается не на факты, а на неверное положение о том, что «у нас нет партии». Дело в том, что у нас есть пролетарская партия, она громко говорит о своем существовании, она слишком серьезно дает о себе чувствовать врагам пролетариата — об этом очень хорошо знают сами меньшевики — и именно потому что у нас есть уже такая партия, именно поэтому идея рабочего съезда является в корне фальшивой. Конечно, если бы у нас не было партии, насчитывающей свыше 150 тысяч передовых пролетариев и ведущей за собой сотни тысяч борцов; если бы мы представляли из себя маленькую кучку маловлиятельных людей вроде германских социал-демократов 60 годов или французских социалистов 70 годов прошлого века, — мы бы сами тогда постарались созвать рабочий съезд с целью выжать из него социал-демократическую партию. Но в том-то и дело, что мы уже имеем партию, настоящую пролетарскую партию, пользующуюся среди масс огромным влиянием, и для того, чтобы созвать рабочий съезд, для того, чтобы создать фантастическую «беспартийную партию», нам неизбежно придется прежде всего «покончить» с существующей партией, прежде всего разрушить ее.

Вот почему работа по созыву рабочего съезда неизбежно сведется на практике к работе по дезорганизации партии. А удастся ли взамен когда-либо создать «широкую беспартийную партию», да и нужно ли ее создать — это еще вопрос.

Вот почему враги нашей партии, разные кадеты и октябристы, так усердно хвалят меньшевиков за агитацию в пользу рабочего съезда.

Вот почему думают большевики, что работа по созыву рабочего съезда опасна, вредна: ибо она дискредитирует партию в глазах массы и подчиняет их влиянию буржуазной демократии.

Так приблизительно говорили тов. Лядов.

За рабочий съезд против с.д. партии, или за партию против рабочего съезда?

Так стоял вопрос на съезде. Рабочие делегаты большевики сразу поняли вопрос и энергично выступали «в защиту партии»: «Мы патриоты партии», — говорили они — «мы любим свою партию и мы не дадим дискредитировать ее усталым интеллигентам».

Интересно, что представительница Германской соц.-демократии, тов. Роза Люксембург, целиком соглашалась с большевиками. «Мы», — говорила она, — германские социал-демократы, не можем понять смешную растерянность тов. меньшевиков, ослепшую ищущих массу, в то время как масса сама ищет партию и неудержимо льнет к ней»...

Из прений выяснилось, что громадное большинство ораторов поддерживает большевиков.

По окончании прений были поставлены на голоса два проекта резолюции: большевиков и меньшевиков. Из них за основу был принят проект большевиков. Поправки принципиального характера почти все были отвергнуты. Приняли только одну более или менее серьезную поправку против ограничения свободы обсуждения вопроса о рабочем съезде. Резолюция в целом говорила о том, что идея рабочего съезда ведет к дезорганизации партии, к подчинению широких рабочих масс влиянию буржуазной демократии, и как таковая вредна для пролетариата. Причем резолюция строго различала рабочий съезд от советов рабочих депутатов и их съездов, которые не только не дезорганизуют партию, не только не конкурируют с ней, а наоборот, укрепляют партию, идя за ней и помогая ей в решении практических вопросов в моменты революционного подъема.

Наконец резолюция в целом была принята большинством 165 против 94. Остальные воздержались.

Таким образом съезд отверг идею рабочего съезда, как вредную, антипартийную.

Голосование по этому вопросу открыло нам следующее явление. Оказалось, что из 114 рабочих делегатов, участвовавших в голосовании, за рабочий съезд голосовало только 25. Остальные голосовали против. В процентном отношении 22% рабочих делегатов голосовало за рабочий съезд, 78% — против. И что особенно важно: из 94 делегатов, голосовавших за рабочий съезд, рабочих оказалось только 26%, интеллигентов — 74%.

А ведь меньшевики все время кричали, что идея рабочего съезда есть рабочая идея, что только интеллигенты большевики противодействуют созыву съезда и пр. Если судить по этому голосованию, то следовало бы скорее признать, что идея рабочего съезда есть, наоборот, идея интеллигентских фантазеров...

Ведь даже меньшевики рабочие, по видимому, не голосовали за рабочий съезд: из 39 рабочих делегатов (30 м-ков и 9 бундовцев) голосовало только 24 человека.

Баку 1907 год.

(„Правда“).

Отв. редактор
П. КУЛАНИН.

Тотемская кружевная база

доводит до сведения всех граждан города и пригорода, знающих вышивальное и набивное дело, что они могут получить работу на дом из материалов базы.

За всеми справками обращаться ежедневно, кроме общих выходных дней, с 9 до 4 час. по адресу: Тотма, Советская, 23.

Администрация.

Адрес редакции: Г. Тотма, Сев. обл.,
Б. Садовая, 18

Телефоны: общий — 48,
редактора 24.

Подписная плата: 70 копеек в месяц.
Цена отдельного № 7 к.

Газета выходит 10 раз в месяц
Следующий № выйдет 24 мая

Типография изд-ва „Рабочий лес“, гор. Тотма

Заказ № 148

Тираж 2500 экз.

Уполн. Севоблита № 62